

ИРИНА ОРДЫНСКАЯ

Монахини

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Ирина Ордынская

Монахини. Исторический роман

«Вольный странник»

2020

Ордынская И. Н.

Монахини. Исторический роман / И. Н. Ордынская — «Вольный странник», 2020

ISBN 978-5-00178-024-3

Ирина Ордынская – известная православная писательница, автор многих книг. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Лауреат премии «Золотой Витязь». Также она награждена специальным призом Издательского совета Русской Православной Церкви «Дорога к храму». Новый исторический роман «Монахини» основан на реальных событиях. Автор этой книги стала дипломантом конкурса на лучшее, не публиковавшееся ранее художественное произведение по теме «Новомученики и исповедники Церкви Русской» Издательского совета Русской Православной Церкви в 2020 году. Книга посвящена монахиням и монахам, пострадавшим в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке. Посреди безбожного мира они несли высокий подвиг, терпя притеснения властей, ссылки, лагеря, холод, голод, болезни и нищету. Совершая свой крестный путь, подчас тяжело скорбя, они находили в себе силы молиться и славословить Бога, оставаясь верными Христу. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-00178-024-3

© Ордынская И. Н., 2020

© Вольный странник, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Николаевна Ордынская
МОНАХИНИ
исторический роман

© Ордынская И.Н., 2020

© ООО «Вольный Странник», 2020

Глава 1 АРТЕЛЬ

В конце сентября, холодным утром, таким ранним, что в нем еще не забрезжил рассвет, осторожно ступая во мраке по дорожкам, засыпанным прелыми ароматными листьями, сестры шли в храм на полунощницу. Из-за черных облачений их неторопливо движущиеся фигуры в темноте были почти невидимы. Несколько дорожек призывно прокладывали путь к Никольскому храму. В окружающей тьме выделялись только стены здания, непонятно чем подсвеченные – ведь ни луна, ни звезды в хмуром небе так и не появились.

В стылом храме уже теплились у икон лампы. Свечи, которые теперь найти становилось все труднее, берегли, и потому зажигали по одной, когда начиналась служба.

Сестры заняли свои привычные места, посматривая на отдельно сидевшую в своем кресле задумчивую игуменью Олимпиаду. Началась служба. Зазвучал голос чтицы. В пустом храме молитвы эхом отражались от стен и сводов. Напряженная тишина наполнилась летящими словами, обращенными к Богу, но порой казалось, что в эти звуки вплетались еще и молчаливые молитвы каждой из монахинь.

В храме теперь ежедневно молились только насельницы монастыря. Мало кто из крестьян лежащего рядом с обителью села Акатово рисковал приходить на службу. Паломники и вовсе появлялись редко, чаще в праздники. Не до посещения святых мест стало измученному, обнищавшему народу, испуганному напористым атеизмом.

Для мира монастырь уже восемь лет, с 1919 года, как перестал существовать. Новые власти постановили, что нужно обитель заменить сельхозартелью. Внешнее переименование ничего не изменило в жизни сестер, обитель продолжала жить по своему обычному уставу. Черницы работали, как и раньше, исполняя послушания, отдавая основное время своей жизни молитве. Но мир давил, бился о монастырские стены, отрывая от них и уничтожая недавно еще такой преданный Христу народ. И через десять лет брани с новой властью осталось в артели-обители чуть больше тридцати сестер из бывших до революции ста шестидесяти. К монахиням жались в своих неустроенности и голоде окрестные жители, в артели работали вместе с насельницами еще шестьдесят крестьян.

Полунощница плавно перетекла в утреннюю службу. Пришедший в храм священник, отец Владимир, начал ее хриплым, простуженным голосом. Уже проснувшиеся и бодрые сестры на клиросе поддерживали его стройным пением, чистыми, словно умытыми, голосами.

Тридцать, тридцать верных – не так уж и мало! Обо всех ушедших они скорбно молились, а на этих – выдержавших десять лет гонений – матушка Олимпиада сейчас смотрела с особой любовью, как смотрят родители на преданных и послушных детей.

Когда подошел черед благовеста к бдению, все присутствующие в храме сестры и даже священник съежились, переглянулись: они никак не могли привыкнуть, что в час, когда должны зазвучать колокола, наполняя своим пением небо над монастырем, селом, окрестными лесами, уже две недели царила тишина. Безмолвие в эти моменты становилось абсолютным, пустота заменяла даже воздух вокруг храма, всасывая все звуки, словно тряпина. Колокольня онемела, и людей пугало ее безгласие. Так потерявший голос человек силится что-то сказать, но не может, и жаль его до глубины души, и невысказанные его слова кажутся самыми важными и необходимыми...

Колокольня молчала.

Пропал по приказу свирепого мира призывавший к заутрене звон, пробуждающий души, очищающий окружающее пространство, привлекающий ангелов. Больше не было права у колоколов петь мелодии праздников, дарить радостные перезвоны. И увидеть, какой обзор открывается с колокольни теперь никто не мог – славный вид на подмосковную обитель на краю села Акатово, которую обходила, словно окружала с трех сторон река Нудоль, прятавшаяся в лесу. Храмы, монастырское кладбище, сестринские корпуса, окружавшая здания стена – все смотрелось с высоты колокольни пейзажем, столь радостным сердцу любого русского художника. Особенно хороши были виды осенью – цветная яркая листва раскрашивала окружающие леса, как фон для монастыря.

Но дверь, ведущую к лестнице колокольни, наглухо заколотили внезапно нагрянувшие милиционеры да комсомолцы. И пообещали, что вскоре колокола, пересчитанные ими, и вовсе снимут для переплавки.

Служба набирала силу. В полутьме храма, где темнота сливалась с черными облачениями сестер, проявлялись их бледные, светлые лица, вдохновенно блестели глаза, отражавшие мерцание свечей. И казалось, что их уже не тридцать, а больше: ряды лампад так подсвечивали иконы, что святые на них, казалось, оживали, и с образов внимательно всматривались в молящихся людей...

Особенно живым был лик Пресвятой Богородицы на самой почитаемой в монастыре иконе «Скоропослушница». Этот образ Божией Матери, подаренный афонскими монахами, бесконечно любили в обители, насельницы ласково называли «Скоропослушницу» своей Игуменьей. И так истово, усердно молились Ей изо дня в день, из ночи в ночь, что происходили у этой иконы чудеса, люди получали помощь в своих бедах.

Божья Мать ласково обнимала рукой Сына, сидящего у Нее на коленях, и улыбалась нежно, едва заметно. Ее светлый лик казался совершенно живым, одухотворенным. Богородица куталась в багряный омофор с золотым орнаментом по краям – в храме этим утром было слишком холодно и сыро.

На теплом Афоне в старые времена икона Пречистой Богородицы находилась в монастыре Дохиар в трапезной, на кухне, где Ей, конечно, было тепло и уютно. Но нерадивый монах-служка плохо следил за чистотой святого образа, ленился в послушании: коптящая лучина покрыла черной сажой прекрасный лик Божьей Матери. И однажды раздался Ее голос – приказала Она нерадивому иноку убрать лучину! А когда он не подчинился, наказала его слепотой. Долго плакал у иконы ослепший, умоляя о милости Царицу Небесную, раскаявшись, день и ночь просил прощения. Она сжалилась над несчастным, вернула ему зрение. А потом заповедала всем людям молиться этому Ее образу, обещая, что услышит каждого христианина, который будет обращаться к Ней. Услышит скоро – и помилует, потому изображение это, по словам Самой Богородицы, следует называть «Скоропослушница». С тех пор на Афоне перед

этой иконой постоянно совершают молебны. Афонские монахи сделали список святыни, привезли его в Россию и подарили подмосковному монастырю в деревне Акатово.

К концу службы в храме становилось все светлее и светлее, туманный рассвет быстро переходил в настоящее утро. Когда служба закончилась, насельницы ручейком потянулись поклониться «Скоропослушнице», попросить благословения для наступающего дня. А затем, крестясь на иконостас и низко кланяясь, они поспешно отправлялись исполнять свои послушания.

Кивнув игуменье в ответ на ее поклон, спешно удалился батюшка. Только две послушницы неторопливо принялись убирать храм. Первым делом они бережливо сложили недогоревшие свечи в специальные коробки. Двигались девушки бесшумно, осторожно, не поднимая глаз на матушку игуменью, которая в задумчивости осталась одна у иконы «Скоропослушница».

Только Господь и Пресвятая Богородица знали, что ждало в скором времени монастырь, какая судьба будет у Их дочерей, которые пришли сюда для спасения своей души и угождения Богу!

Сами же они не представляли, что будет с ними дальше. Замолчали в обители колокола, часто приезжали проверяющие, старательно переписывающие имущество обители, которое теперь принадлежало артели. Начали появляться в районной газете статьи с требованием закрыть сельскохозяйственную артель, потому что она на самом деле остается монастырем, в котором по-прежнему молятся Богу. Матушка Олимпиада чувствовала сердцем, что обитель скоро могут уничтожить. Но никто не мог осилить суд над рабами Божиими, никто не имел власти подвергнуть их такому наказанию. Только Господь и Его Пречистая Матерь могли вершить судьбы людей.

Матушка Олимпиада стояла перед «Скоропослушницей», вглядываясь в Ее знакомый до последней черточки лик. Божья Матерь в полутьме храма казалась спокойной и умиротворенной, смотрела на игуменью ласково, но с затаенной печалью, с грустной улыбкой, словно жалея ее.

Какое-то время матушка шептала молитвы, склонившись перед образом.

– Владычица! – наконец обратилась она громко и опустилась на колени. Невыразимая боль пронзила ее тело, едва удалось подавить вырвавшийся стон: много лет ее мучила болезнь ног, с трудом заживали раны на истерзанных венах, а рядом с зарубцевавшимися язвами образовывались новые кровавые пятна, и не было этой напасти конца.

Стоять на коленях для больной игуменьи было страданием. Послушницы, которые знали, как болеет матушка, застыли, готовые в один момент броситься ей на помощь. Но она через какое-то время, упираясь ладонями в пол, взяла себя в руки, затем выпрямилась и повторила:

– Владычица!

Много лет назад, когда матушка Олимпиада была еще просто Верой и несла послушание у подсвечника рядом с иконой «Скоропослушница» во время служб, подсвечник всегда полыхал огнями жертв-свечей, ни одного свободного места на нем не оставалось. Храм тесно заполняли верующие, которые своим пением вторили большому сестринскому хору, со слезами целовали иконы и благоговейно выстаивали длинные монастырские службы.

Однажды, когда белой, чистой, отглаженной тряпочкой она протерла стекло перед милым ликом Божьей Матери и готовилась поставить на подсвечник большую ароматную восковую свечу, Пречистая с иконы вдруг улыбнулась ей лучезарно, повела головой и поправила свободной рукой свой багряный убрus.

Этого просто не могло быть!

Но сидевший на коленях у Матери Младенец приподнялся, протянул к стоящим в храме людям ручку и тоже радостно улыбнулся.

Послушница Вера – будущая игуменья Олимпиада – в благоговении застыла, боясь пошевелиться и спугнуть чудесное видение. Но в этот момент какой-то человек слегка толкнул ее в спину, прошептав: «Сестра, свечу поставьте!» И стоило на мгновение двинуться, моргнуть – чудное видение растворилось, вместо оживших Пречистой Богородицы и Младенца вновь было перед нею только их изображение.

Память об этом видении навсегда сохранилась в сердце матушки Олимпиады, оно возникало в ее голове каждый раз в молитве перед чудотворной иконой. Она теперь точно знала, что за этим образом существуют живые, одухотворенные Божья Матерь с Младенцем. И стоит только с чистым сердцем обратиться к Ним с искренней молитвой, Они непременно ответят.

– Владычица! – в третий раз обратилась к Богородице матушка. Больше она ничего вслух не говорила, зная, что Пречистая видит ее душу, боль за доверенных ей сестер, за притесняемую обитель, за молчание колоколов, за опустевшие храмы. Кричало от горя сердце монахини, повторяя слова Спасителя, произнесенные Им в предчувствии страданий, и ее душа обливалась слезами: «Господи, пронеси мимо меня и моих чад, которых Ты дал мне, эту чашу! Пресвятая Богородица, умоли Своего Сына о милости!»

В храме стояла тишина – почти полная, потому что в дальнем углу у колонны плакали две молодые послушницы, прекратив уборку, они затаились в темном углу. То ли понимали, какая беда грозит им всем, то ли просто жалели старую матушку, почувствовав ее боль.

Матушка Олимпиада несколько раз перекрестилась и поклонилась до пола, словно подтверждая свое безусловное принятие любого решения Господа о будущем монастыря, каким бы горьким оно не оказалось, отдавая себя в полное подчинение Небесной воле, полагаясь на заступничество Пресвятой Богородицы.

Матушка попыталась встать, но не смогла, а только покачнулась. Послушницы метнулись и в мгновение ока оказались рядом с ней, поддержали ее, подставили с двух сторон свои плечи и не без усилия подняли игуменью на ноги. Подождали, пока она стояла с закрытыми глазами, пытаясь справиться с приступом болезненных судорог. Успокоившись, ласково улыбнулась испуганно смотревшим на нее девушкам:

– Принесите мне посох.

Одна из послушниц осторожно двинулась в сторону, матушка с благодарностью ей кивнула, подтверждая, что она справится, сможет стоять:

– Манюша, посох у моего места. Принеси.

Игуменья Олимпиада, опираясь на свой посох, пошла медленно, осторожно. Послушницы какое-то время смотрели ей вслед, а потом бросились за ней, догнали уже на паперти, не сговариваясь, склонились перед ней низко, крестообразно сложили ладони, попросили:

– Благословите, матушка.

– Господь с вами!

Большой красивый крест, что висел у нее на шее, она протянула по очереди каждой из сестер. Они поцеловали крест. Игуменья Олимпиада внимательно посмотрела на девушек:

– Не говорите никому, что видели. Идите. Исполняйте послушание.

Девушки снова поклонились и убежали в храм.

Матушка медленно, опираясь на посох, направилась к игуменскому корпусу.

* * *

К концу октября, когда листья на деревьях почти не осталось, изредка начинал срываться снег. Впрочем, был он такой мелкий, что напоминал крупу и сразу таял, не долетая до земли. Уже давно убрали урожай в полях, вспахали землю и удобрili ее навозом. Ровные грядки монастырского огорода опустели, урожай овощей перенесли в подвалы. Коров стали редко выгонять на пастбище, хотя немного травы там еще оставалось, но возвращались они

такие грязные, что перед дойкой приходилось каждую полностью мыть, поэтому проще их было кормить на месте – в коровнике. От частых дождей и стылых ветров и куры не показывали носа из птичника, да и неслись они плохо, переживая наступающий холод и уменьшающийся световой день.

В Александро-Невской сельхозартели крестьяне получили заработанную ими часть урожая, сезон тяжелого труда подходил к концу, селяне готовились к зиме.

В обители с раннего утра несколько сестер сметали в кучи большими метлами опавшие грязные, прелые, теряющие красоту листья, потом складывали их в мешки, чтобы сжечь за пределами монастыря.

Размашисто перекрестившись и низко поклонившись в пояс на Никольский храм, в который упиралась широкая прямая дорожка от входа в обитель, в монастырские ворота не вошел, а скорее вбежал шустрый мужичок Андрюша, на ходу сдергивая с головы неизвестного цвета потертую шапку, которую носил и зимой и летом. Не менялась и его выдавшая виды одежда, иногда новыми оказывались только веревка, которой он подхватывал на поясе стеганный сюртук с чужого плеча, и старая котомка, изветшавшая, протертая до дыр.

Приходил Андрюша в монастырь всегда неожиданно, мог исчезнуть на долгое время, а появившись снова, оставался надолго, сколько ему хотелось. К нему привыкали, как к родному, но исчезал он тоже внезапно, ничего никому не сказав. Люди говорили, что бродил Андрюша по дорогам, от храма к храму, от монастыря к монастырю. Был он незлобив, как ребенок, доверчив, его любили. Многие с теплом привечали юродивого безгрешного человека, кормили, клали еду в котомку, позволяли у себя переночевать. Он всегда – просил ли чего или говорил кому-то о чем-то серьезно – смешно сдвинув брови, повторял часто, настойчиво: «Ради Христа!» Произносил он эти два слова медленно, с расстановкой.

– Ра-ди Хрис-та!

Его круглое улыбчивое лицо с детским выражением искренней радости – от мира, который он видел, и вины – неизвестно перед кем и за что, на любой паперти невольно привлекало внимание, ему охотно подавали. Часть милостыни Андрюша, взвесив в руках свою котомку, покачив головой, вдруг начинал раздавать. Собранные булочки и пирожки шли на угощение другим нищим, бедным старухам или гуляющим у храма детям.

В Акатовском монастыре всегда радовались приходу Андрюши. Вот и сейчас насельницы, убравшие двор, помахали руками в ответ на его приветствие:

– Бог в помощь, сестрички!

Но блаженный не остановился, как обычно, поговорить с ними, рассказать новости, а быстро и решительно направился к ближайшему сестринскому корпусу, в который не то что мужчинам не разрешалось входить, но вообще никаким мирским людям.

Сестры застыли в недоумении.

Через минуту из сестринского корпуса выбежала испуганная, покрасневшая сестра Васса, бегом направилась в игуменскую. За ней вышли еще несколько монахинь, они в растерянности остались стоять на улице.

Инокания Васса, быстро пробежав по коридору игуменского корпуса, вошла в матушкину келью.

– Матушка, – мать Васса не решалась поднять на игуменью глаза, – в монастырь пришел блаженный Андрюша. Он...

Она не знала, как сказать такое:

– Безобразничает...

– Рассказывай.

– Зашел в сестринский корпус, на кроватях валяется в грязных сапогах, постели на пол сбрасывает и вещи...

– Подожди меня в коридоре, – прервала ее игуменья, – вместе пойдем. Посмотрим.

Через несколько минут матушка Олимпиада в сопровождении матери Вассы вышла в монастырский двор. Когда они подошли к первому сестринскому корпусу, там уже никого не было, исчезли куда-то и сестры, убиравшие листья. В это время вдалеке из Никольского храма вышла мать Анатолия, заботившаяся о церковной ризнице. Увидев игуменью, она бегом бросилась к ней.

– Матушка, вязать его надо! Не в себе Андрюша!

– Что делает?! – посмотрела в сторону храма игуменья.

– Он храм оскверняет! – чуть не заплакала обычно невозмутимая и молчаливая мать Анатолия.

– Пойдемте. Посмотрим, – направилась к церкви матушка Олимпиада.

Игуменья и инокини вошли в храм. Их глазам предстала страшная для любого христианина картина: от иконы к иконе, вдоль алтаря носился Андрюша, нахлобучив на голову шапку, в руках у него был мешок с грязными листьями, собранными сестрами. Из мешка Андрюша со странным гиканьем разбрасывал мусор: листья с комьями грязи летели в образа, на красную ковровую дорожку, которая вела в алтарь, пачкали подсвечники, попадали в лампы. Десятки насельниц со слезами на глазах наблюдали за этим непостижимым действием: их дорогой Андрюша, которого они жалели, которому не один год помогали, сейчас осквернял любимый ими храм, их святыню!

– Матушка! – метнулась к игуменье мать Зоя, самая строгая из инокинь, от природы горячая, которой тяжелее других было наблюдать коштунство. – Остановите его!

Но печальная игуменья Олимпиада одним движением руки остановила речь сестры Зои. Та молча отошла в сторону, закрыла глаза ладонями и отвернулась к стене.

А у блаженного вдруг, откуда ни возьмись, в руках оказалась метла, из тех, которыми сестры убирали двор. Он покружился с ней по центру храма, старательно подмел листья у ног монахинь, а потом забегал, беспорядочно подкидывая листву вверх, перебрасывая ее слева направо. На секунду он остановился, как будто кого-то увидел, и снова быстро-быстро заработал метлой, будто от кого-то отбиваясь, кого-то прогоняя метлой:

– Ах, вы, косматые!!! – закричал Андрюша грозно. – Ух, я вас... – воевал он с кем-то невидимым.

Наконец он в изнеможении опустил руки и, печальный, не поднимая глаз, пошел к игуменье. Сестры выхватили у него метлу.

Матушка Олимпиада долго смотрела на поникшего, виноватого Андрюшу, в глазах у нее стояли слезы.

– Дуня, – обратилась она к молодой шустрой послушнице из трапезной, – накормите его.

Дуня увела присмирившего буяна, но сестры не расходились, вопросительно смотрели на игуменью.

– Не ругайте его, – печально вдохнула матушка. – Он предупредил нас. Монастырь скоро закроют. Нужно готовиться.

* * *

Когда большинство сестер ушли, игуменья направилась к иконе Пречистой Богородицы «Скоропослушница», перекрестилась, поклонилась, старательно убрала грязные листья, прилипшие к святому образу, и белой тряпочкой, забытой кем-то на пустом подсвечнике, вытерла сохранявшее образ стекло.

Монахини во главе с матерью Анатолией принялись снова убирать храм, сметая в кучки листву и осыпавшийся с нее мусор. Грязь, которая не поддавалась венику, скоблили щетками. Особенно сложно было привести в порядок красную ковровую дорожку, ведущую в алтарь, ее

они вместе долго мыли. Затем, тщательно осмотрев все иконы, чистыми тряпочками натерли каждый сантиметр ликов и окладов.

Выйдя из Никольского храма, матушка Олимпиада пошла к стенам недостроенного Александро-Невского собора, с печалью глядя на заброшенную стройку. Так и не сбылась мечта первой игуменьи монастыря Евтихии, двадцать два года своего служения отдавшей строительству главного храма обители! Еще пять лет и здоровье свое следующая игуменья – Анастолія – положила, чтобы достроить величественный каменный собор, но и ее сил не хватило на этот подвиг. Теперь же монастырь и вовсе могли закрыть. Горько было смотреть на недостроенное здание, так и не ставшее местом молитвы.

Матушке вспомнился ее разговор с игуменьей Евтихией на этом самом месте в далеком 1892 году в теплый майский день, солнечный, под необыкновенно голубым небом. В тот год Александро-Невский собор еще не начали строить, здесь была красивая зеленая лужайка. Тогда она уверенно и слезно просила: «Матушка, возьмите меня в монастырь, не прогоняйте! Не бегу я от замужества, не бегу от мира, а иду к Богу. Сердце мое только Ему принадлежит!» А старая игуменья сомневалась. Как, вот так сразу, принять в обитель молодую девушку, убежавшую тайно в монастырь, без благословения родителей?! Как поверить, что не блажь это, а глубокий осознанный выбор, который подтвердит вся ее новая жизнь? Умрет ли ее старая жизнь, канут ли в Лету все привязанности, страсти, страхи мирские? Будет ли в Господе жить новая душа, заполненная только Им? А вдруг такого таланта у восторженной девушки нет, тогда ее существование в монастыре станет мукой, и увидит она только бесконечную тяжесть будней, затоскует...

Девушке из Москвы, из богатой семьи по силам ли годами нести тяжелые послушания в поле, в коровнике, в конюшне? Смирится ли она? Выдержит ли крестьянский непосильный труд вместе с сельскими, привычными к такой работе женщинами или заплачет горькими слезами, забудет все обеты и, разочаровавшись, уйдет в привычный для себя мир?

Как трудно было тогда принять решение игуменьи Евтихии!

* * *

Отчий дом матушка Олимпиада вспоминала с любовью. С самого детства она – тогда отроковица Вера – была окружена заботой и любовью родных. Отец и мать мечтали сделать ее счастливой, дали хорошее домашнее образование, баловали, а когда исполнилось дочери шестнадцать лет, нашли жениха из богатой и благочестивой семьи. Но только дочь их не просто так часто ездила по монастырям и святым местам, душа ее была наполнена любовью к Богу, объята молитвами, Небо уже светилось в ее глазах, монахини в черных мантиях казались сестрами.

Вскоре стал понятным ее выбор.

Родители и слушать ничего не хотели об ангельском пути для дочери, несколько лет они ждали, надеялись ее переубедить, а потом, несмотря на ее горькие слезы, чтобы прекратить все разговоры, подписали с женихом и его родителями брачный договор. Но как, чем можно изменить путь человека, когда его уже призвал к служению Господь? И девушка бежала из дома в деревню Акатово, в только что созданный там монастырь. Долго искали ее родные по всем монастырям Москвы, Подмосковья, да и всей России, но найти не смогли.

Пришлось им расторгнуть брачный договор. Только спустя годы они ее простили, иногда навещали в обители.

* * *

Игуменья Олимпиада достала из кармана четки из розового жемчуга – семейную реликвию, единственное, что оставила она в память о родных. Остальное богатое наследство пере-

дала полностью в казну монастыря. Вот и в недостроенный храм была вложена часть средств, пришедшая из родительского дома.

Но какими далекими, почти нереальными сейчас стали для нее воспоминания об отчем доме! То была чужая судьба – до перерождения.

Теперь монастырь стал ее единственным любимым пристанищем. Уже больше десяти лет матушка руководила обителью, была матерью сестрам, заботилась о хозяйстве, знала, что нужно отремонтировать, какие инструменты купить, какие работы провести. Этот огромный дом, эта большая семья с утра до вечера наполняли ее земную жизнь. Господь помогал, будто держал ее за руку, вел за Собой, прикрывал, Его присутствие чувствовалось постоянно. Может быть, сейчас Он решил отпустить руку? Почему? Наказать ее с сестрами, или только ее... по грехам...

Или Бог отступает, как родитель от ребенка, чтобы проверить, выросло ли Его чадо. Проверить – так ли сильна любовь Его детей к Нему?

Нужно было возвращаться в келью, наступало время дневной монашеской молитвы. Игуменья начала с Иисусовой молитвы, повторяя ее в мыслях раз за разом, словно нанизывая по одной бусине розовые жемчужины четок: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешную!»...

* * *

В ноябре долго не мог по-настоящему слежаться снег для зимнего пути, земля не до конца застыла в морозах, которые крепко держались только по ночам, а днем отпускали хватку, из-за чего на белых дорогах проступали полосы вязкой глины. На санях мало кто рисковал ездить, разве что по очень важным делам.

В сельхозартель неожиданно, без предупреждения, сначала приехала одна комиссия с проверкой, а через неделю вторая – еще более представительная. Пять человек, трое из которых были в военной форме, ходили по монастырю и бесконечно задавали вопросы сестрам, требуя подробностей: как живут, кто и где из них работает, довольны ли своей жизнью? Заставляют ли их молиться? Эксплуатирует ли их игуменья? Испуганные сестры отвечали: «Христос с вами, что вы... У нас все хорошо». Несколько дней с утра до вечера проверяющие осматривали монастырь, изучая его тщательным образом, влезая в каждый уголок: подвалы, амбары, коровник, конюшню. Обошли все здания, оба действующих храма проинспектировали – каменный Никольский и деревянный Троицкий, осмотрели недостроенный Александро-Невский собор.

С трудом удалось сестре Екатерине, возглавлявшей последние три года правление артели, уговорить проверяющих не входить в сестринские и игуменский корпуса.

Самым активным среди инспекторов оказался молодой вихрастый корреспондент районной газеты «Серп и молот» из Клина. Он донимал сестер разговорами, что-то постоянно записывал в блокнотик. Не верил ни одному их слову, задавал провокационные вопросы и постоянно пытался агитировать за советскую власть: «Вас, простых монахинь, эксплуатируют попы и игумены! Вы, простые трудящиеся монашки, должны сбросить их иго!» Уже перед отъездом он ходил по монастырю с пачкой газет «Серп и молот» и совал в руки сестрам свою статью со словами: «Почитайте! Тут правда написана! Закрывать нужно вашу артель-монастырь!» Сестры отказывались брать газету, многие отговаривались тем, что не могут прочесть ее, что неграмотны, и это было правдой.

Приезд комиссии выбил из колеи налаженную, привычную жизнь обители, мешал службам и молитвам. И когда через четыре дня инспекторы уехали, все вздохнули с облегчением. Газеты отдали матери Татьяне – келейнице игуменьи, бывшей ей и за секретаря, и за помощницу, а порой и сестру милосердия, в свои пятьдесят лет нажившей огромные запасы мудрости и невозмутимости.

Сестра Татьяна вошла в келью, перекрестилась на иконы и остановилась у порога. Игуменья сидела в удобном кресле у большого стола, на котором стопками лежали какие-то бумаги, и писала письмо. В комнате с белыми стенами выделялся красотой красный угол с иконами. Угол – это просто он так назывался, на самом деле это была целая стена, увешанная неболь-

шими образами, перед которыми горели несколько изящных лампад. Шкаф, стул, кровать за ширмой, книги на полке – келья игуменьи ничем не отличалась от жилища любой из насельниц монастыря, кроме разве что удобного кресла.

Аккуратно макая перо ручки в чернила, матушка дописала предложение, кончик пера прислонила к чернильнице, покрыла бумагой для промокания написанное, слегка надавив, убрала лишние чернила. Повернувшись к келейнице, спросила:

– Уехали?

– Да. Позвать сестру Екатерину для отчета?

– Нет. Это подождет.

Матушка внимательно посмотрела на газеты в руках инокини.

– Это что такое?

– Один из инспекторов – корреспондент из Клина. В газете его статья о нашем монастыре.

Он раздавал их сестрам.

– Ты прочитала статью?

– У меня не было вашего благословения, матушка.

– Читай вслух. Послушаем, что о нас пишут.

Сестра Татьяна подошла к окну, поближе к свету, и начала читать. Автор статьи с первых слов гневно возмущался: как может существовать «монашеская артель», когда «советской власти исполняется десять лет, и давно пора закончить с попами и монахами». Он не сомневался, что артель – это хитрая выдумка подрывного элемента, которую нужно разоблачить. Дальше журналист писал, что в артели работали несколько комиссий коммунистов, и они подтвердили, что это никакая не артель, а настоящий Акатовский монастырь. И делал вывод: Акатовская артель вредна, а у коммуны имени Восьмого октября в соседнем селе не хватает земельных угодий и инвентаря, поэтому коммунистами поднимается вопрос о ликвидации артели и передаче ее имущества коммуне. Статья завершалась лозунгом: «Вместо черных мантий – труженики!»

Закончив читать, мать Татьяна подняла глаза на игуменью, которая отсутствующим взглядом смотрела куда-то в окно, и выглядела необычайно бледной.

– Матушка, – испугалась келейница, – лекарство? Сердце?! Вам плохо?

– Нет. Не нужно лекарств... Сожги их... – кивнула игуменья на газеты, – ничего нового в них нет. Эти люди десять лет говорят одно и то же. Господня воля над нами, больше ничья, даже волос не упадет с наших голов без Его позволения. Кто посмеет спорить с крестом, который Он нам готовит... Иди, Татьяна, мне письмо нужно дописать.

Келейница послушно вышла в коридор, но сразу не ушла, постояла, прислушиваясь, не позовет ли матушка ее снова. Вдруг случится сердечный приступ, кто ей поможет?!

Свернув в трубу мерзкие газеты, сестра Татьяна задумалась с тревогой: выдержит ли игуменья беды, которые сыпались одна за другой на обитель, даст ли Бог ей сил на тяжкую жизнь, полную испытаний? С таким хрупким здоровьем, как у нее, это ж мука, непосильная ноша унижений – поругание веры, храмов Господних, святых Его – у любого согнутся плечи! Выдержит ли игуменья – немолодая ведь женщина, пятьдесят пять лет, а тут еще кроме язв на ногах, болезнь сердца, ревматизм, воспаление почек... И в довершение ко всему из-за постоянного нервного напряжения страшная экзема – красная сыпь, на которую даже ей, сестре милосердия, смотреть страшно...

Вдруг до слез сестре Татьяне стало жаль матушку, и она, стиснув зубы, пошла в свою, соседнюю с игуменской келью, чтобы молитвой унять тревогу, страх – отбросить этот грех, замолить его жарким обращением к Господу.

– Я верю, верю, все в Твоих руках! Ты везде, Господи! Нет моей воли, есть только Твоя! Все принадлежит Тебе в этом мире! Все люди принадлежат Тебе! Умилостивись! Прости грехи! Спаси нашу обитель!

* * *

Из-за нечищенных, засыпанных снегом лесных дорог и суровых морозов всю зиму никто не беспокоил инокинь сельской обители. Мир будто и не вспоминал об окруженном чащобой то ли монастыре, то ли сельхозартели. В обители жизнь шла своим чередом, по привычному уставу, текла неспешно от одного православного торжества к другому, расцветая радостью в большие праздники.

В первый месяц весны монастырь жил Великим постом, говение было каким-то более глубоко покаянным – после осенних тревог и опасений за будущее обители и долгой зимы в полном затворе от мира, как во времена пустынников, строивших первые монастыри на Руси. Получилось так, что настоящие грозные искушения, тревоги за судьбу христианской страны и веры отодвинули мелкие напасти.

Сестры по-особенному нежно стали относиться друг к другу, казалось, никогда они еще так искренне не любили свою большую монашескую семью. Никто ни с кем не ссорился, не повышал голоса. Все тянулись к матушке Олимпиаде, слушая каждое ее слово, спешили угождать ей. Духовный отец насельниц – отец Владимир – не мог нарадоваться их послушанию, ему казалось, что каждая служба в храме стала как праздничная, столько тепла она несла. Клирос тоже будто подменили: в пении появилась настоящая сила, вдохновение, благодать. И перестал отец Владимир замечать, что почти никто из крестьян не приходит помолиться в монастырь – духовной радости сестер, их самоотдачи хватало, чтобы храм казался наполненным.

С одним никак не мог смириться батюшка – с молчанием колоколов.

* * *

Пасха Христова выпала на 15 апреля. Последние две недели закружили сестер делами, они позабыли все, что не касалось ожидания главного праздника.

Пробивалась первая трава, солнце светило ярко, лучи его грели землю, день становился длиннее – сама природа подтверждала: идет Пасха! Украшали к Торжеству торжеств Никольский храм! В трапезной красили луковой шелухой яйца, пекли куличи, на каждом из которых по белой обмазке, обсыпанной покрашенным пшеном и крошечными цветными звездами, которые из твердого теста мастерила сестра Дуня, рисовали ХВ – Христос Воскресе!

Службы в Страстную неделю были особенными – наполненными глубоким смыслом евангельским, будто прямо со страниц Святого Писания переносилось в монастырский храм высокое значение происходившего в древнем Иерусалиме.

На Страстную стали понемногу подтягиваться на службы и крестьяне из окрестных деревень. Стесняясь, что долго не бывали в храме, они переминались с ноги на ногу далеко от иконостаса, боясь глаза поднять на иконы. Потом многие, осмелев, и на исповедь решались, и причащались. Отец Владимир так радовался возвратившейся пастве, что ходил счастливый, как именинник!

Благодаря вернувшимся в храм людям, в Великую Субботу, как обычно, как в прежние годы, утром в монастыре освящали яйца, куличи, пасхи. Кропил святой водой сияющий батюшка корзины с едой, пусть и не очень полные, и кланяющихся людей, от всей души обливал собравшихся, благо солнце сразу согревало всех и высушивало. Сестры готовились к пасхальной радости, в Великую Пятницу положили в храме на главном месте Плащаницу. Уже ждали – вот-вот и Господь Иисус Христос оживет, вернется к Своему народу православному, победит черное зло и дарует надежду на спасение!

Но власти быстро сориентировались. Когда в пасхальную ночь люди потянулись к монастырю, не только вокруг него, но и на прилегающих деревенских улицах вдруг появились

отряды комсомольцев с яркими красными повязками на рукавах. Они останавливали подходящих к обители людей и требовали назвать имена. Те в испуге и панике разбегались. Мужиков и баб, стариков и старушек, детей, которые пытались убежать, ловили, тащили на площадь у монастыря. Там их ждали милиционеры. После короткой атеистической лекции задержанных под страхом ареста отправляли по домам.

Совсем немногим удалось попасть на праздничную службу, в основном это были прихожане, которые знали, что со стороны леса есть в ограде обители потаенная калитка. Обо всем случившемся матушка с сестрами узнали на следующий день, никто не посмел очернить им печальной новостью праздник.

В храме, благоухающем ладаном, дивно пел сестринский хор. Отец Владимир служил степенно, неторопливо, выверяя каждое слово, каждое движение.

О, слава Богу! Комсомольцы с милиционерами не решились войти на территорию монастыря. Никто не помешал службе и праздничному крестному ходу. Люди шли вокруг храма с горящими свечами в темноте под светом звезд, и с неба огоньки в их руках тоже, наверное, смотрелись далекими звездами.

И вот, наконец-то... наконец батюшка расцвел улыбкой: «Христос Воскресе!» И люди ему ответили: «Воистину Воскресе!» И так снова и снова! Чтобы слышали все: Он воскрес! И этого никому не изменить!

После длинной службы сестры пригласили всех верующих в трапезную, разделить с ними радость праздника, разговеться.

Матушка Олимпиада ласково осмотрела своих сестер за первым длинным столом в чисто выбеленной к Пасхе трапезной, и второй стол, где расположились пятнадцать-двадцать человек крестьян. Некоторые из них смогли пробраться в обитель с детьми, и семья батюшки тут же сидела. Сам отец Владимир расположился рядом с игуменьей за отдельным маленьким столом.

Игуменья Олимпиада встала и обратилась ко всем:

– Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе! – поворачивалась по очереди к каждому столу, улыбаясь на громкий ответ: «Воистину Воскресе!»

Дождавшись тишины, она, понизив голос, продолжила:

– Христос – наш Путь, Истина и Жизнь! Поздравляю всех со Всерадостным праздником Светлого Христова Воскресения! Желаю вам доброго здоровья, радости духовной, в мире и благополучии получить дары Святого Духа, чтобы воскресший Господь сохранил вас, обновил силы, дал всего потребного для жизни и благочестия! Источник жизни нашей, Христе Боже, слава Тебе! Христос Воскресе!

В ответ снова прозвучало громкое:

– Воистину Воскресе!

Проголодавшиеся люди с удовольствием принялись за еду, застучали крашеными яйцами о деревянные столы, потянулись за кусочками заранее порезанных куличей и творожной пасхи. Из кухни стали выносить порционные тарелки с горячим – тушеными овощами, грибами, картошкой, ставили перед каждым. Заметно было, с какой поспешностью и жадностью поглощали пищу гости. Куски свежего ароматного хлеба, лежавшие на больших блюдах, крестьяне разобрали сразу.

Матушка смотрела на сестер, счастливо праздновавших Пасху, на их светлые лица в обрамлении черных апостольников. Пока они оставались здесь под защитой – дома, но закрытие монастыря для них могло стать горем горьким, многим идти было некуда, как и ей самой. У кого не осталось родителей, те совсем не нужны родственникам, стали для них чужими за годы жизни в монастыре. В мире, где гнали священников и монахов, где называли их врагами, куда могли пойти инокини, никому не нужные, не умеющие выживать в чужом для них новом свете, не верящем в Бога?..

Аккуратно, маленькими кусочками отламывала кулич сестра Анатолия, тихая, молчаливая, как затворница, заботившаяся в последнее время о храме – церковница, алтарница, она и сейчас, опустив глаза, о чем-то думала или молилась. Ей скоро пятьдесят, с молодости в обители, и родных в живых никого не осталось... Рядом с ней – порывистая, шустрая, молодая послушница Дуня, мать Анатолия – ее восприемница, духовная мать. Не умолкая, Дуня о чем-то разговаривала с другими молодыми послушницами. Хорошо, что хоть у этой еще живы родители, не оставят на улице... Напротив сидела крошечная мать Васса, которую сестры ласково называли Васена. Так по-крестьянски осторожно она ела, сберегая каждую крошечку... ей скоро сорок, готова браться за самую тяжелую работу, всем помогать, жалостливая. У нее большая семья, добрые, дружные братья и сестры, есть надежда, что помогут ей, не бросят. По правую руку от Васены присела ее юная племянница – послушница Маня, которая и нравом, и внешностью казалась копией своей тети, трудолюбивая девушка, покорная. Дальше – пожилая мать Рафаила, вот кто был настоящей заботой игуменьи, болезненная, беспокойная, малейшие разговоры о враждебном мире, не принимавшем Господа, приводили ее к слезам и нервным припадкам. И сейчас она непрерывно ерзала на лавке, но уже от праздничного возбуждения. С ней ласково о чем-то говорила сестра Зоя, монахиня строгая, деловая, хваткая, понимающая любую проблему с полуслова, раньше находившая для обители благодетелей, имевшая знакомства в Клину и Москве. Выросла Зоя в монастырском приюте, куда ее, шестилетнюю, отдал дядя после смерти родителей, к своим сорока пяти годам она много разных важных послушаний исполняла в обители.

Сестры Пелагея, Мария, Ольга, Елисавета, Татьяна, Анна, Нина, Степанида, Дарья, Варвара... У каждой своя судьба, свой характер, таланты, болезни. Но одно изначально было общим: они пришли в монастырь навсегда, чтобы в молитве жить и умереть здесь. Так зачем их гонят люди, снова возвращают в мир?! Да еще такой греховный, отказавшийся от самого главного – от Бога!

Игуменья посмотрела на красно-коричневое яйцо в своей руке – символ проповеди веры в Иисуса Христа распятого и воскресшего. равноапостольная Мария Магдалина не побоялась протянуть такое яйцо императору, а Господь в тот трудный час поддержал ее – чудом.

Отец Владимир, доев кусок кулича, приступил ко второму блюду, кивнул:

– Матушка, кушайте яичко-то, а то картошка у вас уже остыла!

И вздохнул, заметив, что игуменья с печалью смотрит на два длинных пустых стола, приготовленных для крестьян, которые так и не пришли сегодня на праздничную службу.

* * *

На следующий день ближе к вечеру в приоткрытую дверь игуменской кельи заглянула послушница Екатерина, глава правления сельхозартели, сухая, подтянутая тридцатипятилетняя послушница.

– Входи, – сразу разрешила матушка.

Екатерина перекрестилась на иконы, и, подчиняясь приглашению (матушка Олимпиада показала глазами на стул), села.

– Ты знаешь, что вчера крестьян не пустили в монастырь?

– Знаю, матушка, сестра Татьяна мне сказала. Да и наши крестьяне из артели сегодня жаловались, что некоторых побили, кто сильно на службу рвался.

– Все ли дела у нас в артели в строгом порядке? Все ли бумаги проверены?

– Матушка, я сама лично слежу за этим, сверяю каждую цифру.

– С осени к нам не приезжают комиссии, может, недоброе что-то уже решили. Но если снова явятся, мы должны быть готовы. Наша судьба в Божьей воле, – игуменья перекрестилась. – Крестьянам вчера милиционеры говорили, что монастырь скоро закроют, дескать, не

ходите сюда, решение уже принято. Благословляю, если остались у нас какие-то излишки продуктов, раздать их работникам артели, сверх оплаты. Времена тяжелые, если что-то случится... пусть их семьи хотя бы какое-то время не голодают.

– Сделаю, матушка.

– И... сестра Екатерина, если крестьяне в маловерие впадают, думают, что оставил их Господь.... Говорят такое?

– Бывает.

– Ты отвечай им, что вот именно сейчас Господь постоянно с нами, в это они должны твердо верить! Господь нас не оставляет! Любить они должны Его еще сильнее, потому что в помощи Его нуждаются как никогда. Скажешь?

– Да, скажу. Благословите меня, матушка Олимпиада, – тихо попросила сестра.

Игуменя поднесла сияющий позолотой крест к губам послушницы, заметив вдруг, что у этой молодой женщины чрезвычайно усталые, в синих кругах, глаза. Какое же тяжелое ей выдалось послушание! Предыдущая глава артели и года не выдержала, сбежала, насовсем покинув обитель. А мужественная Екатерина перенесла изматывающие труды при всех нападках новой власти, ее заботами во многом держится на плаву артель, а значит, и монастырское хозяйство.

В трапезной перед обедом игуменя обратилась ко всем сестрам:

– Господь решает нашу судьбу, только Ему ведомо, что будет с нашим домом, с дорогой обителью! Его воля, Он как Отец может наказать нас, а потом в Царствии Своем помирует. Благословляю вас всех, если у кого живы родители, есть родственники или близкие люди, скрытно перенести к ним из келий дорогие вашему сердцу иконы и книги, и самые необходимые вещи. Не медлите, мы не знаем, сколько у нас осталось на это времени.

* * *

16 мая перед рассветом, в полутьме, когда сестры еще не проснулись к полунощнице, в монастырь ворвались красноармейцы. Они вбегали в сестринские корпуса, громкими окриками будили насельниц:

– Подъем! Быстро! Пошли! На выход!

Громче всех кричал молодой командир:

– Монастырь закрывается! Все на выход! Приказ – монастырь закрыть! Очистить помещение!

Заспанные сестры не могли понять, что случилось, не соображали, как реагировать на присутствие в своих кельях красноармейцев, которые вели себя, будто хозяева, командовали:

– Все на улицу! Вещи не брать! – вырывали из рук то, что пытались взять с собой растерянные сестры, и, подгоняя их прикладами, выталкивали на улицу.

– Разрешите взять только Евангелие и молитвослов, – попросила мать Анатолия.

Но два красноармейца, выставившие ее из кельи, закричали хором:

– Не положено! Приказ: все вещи должны остаться на месте!

Мать Анатолия в последнюю секунду обернулась и осмотрела свои иконы, лампы, полку с книгами, стол, на котором остались бумаги. Один из красноармейцев разозлился и, выругавшись, толкнул ее в спину прикладом. В коридоре она заметила, как далеко, у выхода из корпуса, послушница Дуня, ее духовная дочь, лавируя между сестрами и погонявшими их красноармейцами, выскочила на улицу.

Дуня бежала к конюшне. В летние полевые работы она помогала конюхам, а потому и в остальное время часто навещала любимых лошадей. И сейчас просто не могла не проститься с ними.

Вбежав в конюшню, она начала ласково гладить морды своих подопечных, приговаривая ласковые слова. Потом зашла в стойло к любимице – гнедой кобыле.

– Зорька, прощай, – девушка обняла ее крепко за шею, – прости, хорошая, расстаемся, не могу взять тебя с собой. Прости.

На улице громко матерились красноармейцы: они уже заняли коровник и выгоняли из него коров, которые громко, надрывно мычали, будто их вели на убой, – испугались чужих грубых людей.

Дуня, понимая, что через минуту тати ворвутся и в конюшню, еще сильнее обняла Зорьку, заплакала, и вдруг увидела, что из глаз лошади тоже потекли слезы. Они плакали вместе.

Красноармейцы, увидев Дуню, обнимавшую Зорьку, скомандовали:

– Бросай лошадь! На выход! – и наставили на нее винтовки.

Дуня пошла к выходу. Оглянувшись, увидела, как радостно красноармейцы рассматривали лошадей, приговаривая: «Хорошие у монашек кони. Теперь наши будут!»

На площади у Никольского храма, когда уже рассвело, красноармейцы собрали всех сестер, кроме тяжелобольных лежащих старух. Монахини в своих черных одеждах казались стаей каких-то невиданных птиц, они жались друг к другу, сонные, растерянные... Многие плакали. Беспокойная мать Рафаила сидела на траве и, обхватив голову руками, стонала. Несколько инокинь стояли на коленях лицом к храму и молились.

В это время в келью к игуменье зашел красный командир, подтянутый, деловой, с орденом на груди. Не поздоровавшись, спросил:

– Ты тут главная?

– Да, я. Игуменья Олимпиада меня зовут.

– У меня приказ – закрыть Акатовский монастырь! Все имущество монастыря переходит сельскохозяйственной коммуне имени Восьмого октября!

– А какое у вас распоряжение насчет насельниц монастыря? – матушка судорожно выдохнула. Ей трудно стало дышать.

– Нас судьба бывших монашек не касается, – командир подтянул портупею и сел в кресло хозяйки. – Всем предписано покинуть бывший монастырь, очистить помещения, уходить без вещей.

– Как – без вещей?!

– Понятно, ваш хлам никого не интересует, – кивнул он на иконы и несколько книг на полке, на шкаф, – обобщем все, потом это барахло вам вернем.

Он небрежно потрогал письма, лежавшие на письменном столе.

– И золотой крест сними! – кивнул на крест на шее матушки.

– Он не золотой.

– Хоть и серебряный, все равно снимай!

– Он обычный, медный. Еще в двадцать втором году, когда ценности комиссия из наших монастырских храмов изымала, серебряные кресты тоже забрали.

– Все равно снимай! – разозлился командир.

Матушка, поцеловав крест, бережно сняла его с шеи и положила на край стола.

– Я могу увидеть сестер?

– Да, успокой их, чтобы не было шума. Беспорядков мы не потерпим, в случае сопротивления имеем право стрелять без предупреждения! Пойдем! Монашек мои люди собрали на площади.

– Подождите, у нас есть старые больные сестры, некоторые парализованы... Как быть с ними?

– Советская власть о старухах позаботится и без вас!

* * *

Матушка взяла свой посох и, опираясь на него, медленно пошла по коридору, за ней нога в ногу шел красный командир. На улице у храма она сразу увидела сестер, со всех сторон окруженных красноармейцами, сердце у нее забило сильно, неритмично, боль, казалось, подступала к горлу.

Увидев матушку, сестры метнулись в ее сторону, и могли, наверное, снести красноармейцев, их охранявших, но игуменья поднятым посохом остановила движение. Насельницы застыли, напряженно ожидая, когда матушка к ним подойдет.

– Наш монастырь власти закрыли! – начала матушка Олимпиада громко, всматриваясь в лица сестер, которые стали сокрушенно, по-женски, не скрывая горя, плакать. – Вещи наши обещают вернуть после обыска! Дорогие мои, с нами Господь! Его воля! – она тоже чуть не плакала, но увидев, как фыркнул при упоминании Господа красный командир, взяла себя в руки.

– А сейчас мы должны уйти!

Она повернулась и двинулась по дорожке от храма к воротам. Круг красноармейцев разомкнулся и вслед за матушкой ручейком пошли сестры. Красноармейцы двинулись за ними, наклонив винтовки – направив штыки вперед, держа их вплотную к спинам монахинь.

Вдруг где-то рядом, на территории обители, раздалось подряд несколько выстрелов.

Этого никто не ожидал. Несколько сестер громко вскрикнули. Может быть, сейчас кого-то убили, и чья-то душа улетала к Богу, или начали забивать скот? А может, расправились с больными старухами?

Матушка, остановилась, повернулась и, всматриваясь в лица сестер, быстро их пересчитала, пытаясь понять: не остался ли кто-то из насельниц в обители, в кого сейчас могли стрелять.

Красноармейцы напряглись, сомкнули ряд, выстроившись в цепь. Взяли на мушку монахинь.

Матушка взглянула на хмурого, сосредоточенного командира, готового отдать любой, даже самый страшный приказ. Подняла посох, и, оглядываясь, проверяя, подчинились ли ей сестры, первой покинула обитель.

За последней вышедшей из монастыря сестрой красноармейцы закрыли ворота на засов.

Глава 2 АРЕСТ МАТУШКИ

За долгие годы привычка подниматься к полунощнице укрепилась так, что игуменья Олимпиада автоматически просыпалась ранним утром в одно и то же время. Хотя возможности молиться в храме каждый день в деревне Сальково, где они поселились с сестрой Екатериной после закрытия монастыря, у нее не было. Изредка крестьяне, отправляясь в соседнюю деревню, где оставался открытым храм, приглашали и матушку с келейницей поехать вместе с ними на телеге. Остальное время монахини молились в своем маленьком недостроенном домике в одну комнату с глиняным полом, с голыми стенами из бревен. Сердобольный хозяин каморки разрешил им поселиться в избушке с условием, что они ее достроят, но дело продвигалось медленно, потому как денег неоткуда было взять. Добрые сельчане поделились с обездоленными монахинями старой мебелью, дали немного утвари и посуды.

Матушка лежала в постели, подняться с кровати не хватало сил, пекло в спине, и немного кружилась голова. После недавнего сердечного приступа никак не удавалось перебороть слабость. Думала она о том, что за полтора года, пока они с сестрой Екатериной жили в хибаре в деревне Сальково, ей так и не удалось ни разу побывать в Акатово, чтобы взглянуть на дорогую обитель, пусть даже издалека. Вещи красноармейцы монахиням так и не вернули, не выполнили обещание. Навещавшие матушку сестры, многие из которых поселились в соседних с Акатово деревнях, рассказывали со слов акатовских крестьян, что комсомольцы с милицией все иконы, кресты, облачения, утварь из храмов вынесли. Чему-то нашли применение в хозяйстве, что-то растащили по домам, остальное сожгли. В пылающих кострах сгорели почти все образа. Колокола со звонницы сняли и увезли.

А старух из монастырской богадельни, которые вскоре после закрытия обители поумирали все до одной, закопали во дворе за храмом. Местные крестьяне не знали: умерли старухи с голоду и без ухода или их убили.

* * *

Сестры Екатерины на ее топчане не было, наверное, она встала раньше и занялась хозяйством. Оказалось, нет и ведра, значит, пошла за водой. Посветлело маленькое окно, на две

трети закрытое серой самотканой занавеской на веревке. Матушка наконец смогла подняться и подойти к стене, на которой в ряд на гвоздях висели небольшие иконы. Перед ними горела лампада. Это были образа, которые ей удалось спрятать у одного благодетеля перед закрытием монастыря. Она с болью подумала, что их «Скоропослушница» могла сгореть в одном из страшных костров, которые уничтожили святые лики, с таким трудом собранные за долгие годы. Некоторые из них привозили из святых мест, встречались и особо старинные, ценные, пережившие столетия, но не спасшиеся теперь, в дни гонений на Церковь.

«Нет, – отогнала игуменья страшную мысль, – не может быть, чтобы наша главная, чудотворная икона погибла!» Кошунством казалось одно предположение о возможности гибели такой святой, чудотворной иконы. Матушка принялась горячо молиться «Скоропослушнице», вспоминая Ее лик в Никольском храме Акатовского монастыря и лампаду перед ним, и свечи на большом подсвечнике, отражавшиеся огнями в окладе иконы...

Неожиданно в дверь громко постучали, наверное, кулаком. Зазвенела болтавшаяся на досках задвижка.

– Входите! Открыто! – громко отозвалась матушка, даже не успев подумать, кому она понадобилась в такую рань.

В комнату ввалились два милиционера с винтовками. Старший, быстро осмотрев бедное жилье, скривился, остановив взгляд сначала на иконах, потом на старой монахини в черном апостольнике, строго спросил:

– Ты Вера Марковна Иванова, игуменья бывшего Акатовского монастыря?

– Я игуменья Олимпиада.

– Ты арестована!

– Почему? За что? – растерялась матушка.

– За антисоветскую агитацию! – отрезал милиционер. – Следователь тебе на допросе объяснит!

– Какую агитацию?..

– Сядь там, – приказал старший милиционер, махнув рукой на лавку у двери. – Сейчас мы обыск произведем! Может, сама отдашь переписку и драгоценности?

Матушка подошла к столу, собрала бумаги, лежавшие на нем, отдала:

– Вот письма. Других нет. А драгоценностей у меня никогда не было.

И, пожав плечами, села на лавку.

– Сейчас поищем! – с угрозой бросил через плечо младший.

Вдвоем милиционеры тщательно обыскали домик: пересчитали белье на кровати, долго мяли подушки, два раза перебрали одежду, заглянули даже в чугунки у печки, придирчиво осмотрели стены и пол.

Старший, разочарованный результатами обыска, засунул в карман письма, которые матушка отдала сама, и приказал:

– Собирайся!

– У меня сердечный приступ случился неделю назад, доктор постельный режим назначил, – игуменья показала рукой на табурет у кровати, на котором лежали порошки и стояли пузырьки, – позвольте остаться мне, куда я, больная, денусь...

– Да ты что, смеешься?! – разозлился милиционер. – У меня приказ аж из Москвы насчет тебя! Быстро! Собирайся! А то без вещей уведем!

Собравшись с силами, матушка достала из ящика старый, но крепкий мешок, засунула в него полотенце, темные кофту и юбку, совсем не понимая, что нужно бы взять в первую очередь. Потом вспомнила, что сестры привезли ей немного сухарей, нашла их на полке и тоже взяла с собой.

В это время дверь распахнулась и вбежала сестра Екатерина, дрожащая, в слезах:

– Матушка! Там на телеге отца Владимира солдаты привезли! Наверное, арестовали его!

И тут заметила в руках матушки мешок, потом кутивших в углу милиционеров, беспорядок в комнате после обыска – и все поняла.

– Да как же это...

– Помоги мне собраться, – спокойно попросила игуменья, передавая сестре мешок с вещами, а сама подошла к полке рядом с иконами, взяла деревянные четки, и, не обращая ни на кого внимания, начала молиться, то поднимая глаза к образам, то низко кланяясь.

Сестра Екатерина металась по комнате, какие-то вещи хватала, какие-то, неловко зацепив, роняла на пол. Полетели с полки железные чашки и кружки, рассыпались ложки, взяла одно, а разбросала все, довершив разгром в их общем жилище. Наконец игуменья молча положила в мешок поверх вещей лекарства, натянула камилавку, надела черное теплое пальто, засунула в его карман четки.

– Я готова, – повернулась она к милиционерам, взяв свой игуменский посох.

– Это еще что?! – старший показал пальцем на посох.

– Ходить мне трудно, ноги болят, опираюсь на него.

– Да... конечно, – недобро ухмыльнулся мужчина. – Бывали в монастырях. Игуменские это дела – посох. Надо же... выдумала! Говорю один раз: брось его, по-хорошему! Вон, любую палку возьми, – кивнул он на стоящие в глубине комнаты доски и рейки.

Матушка подошла к печке, с трудом опустилась на низкий табурет рядом с ней, положила посох на лист железа, на котором лежали дрова, кочерга и топор. Отмерила на посохе ребром ладони снизу треть:

– Катя, – ласково обратилась к келейнице, – возьми топор и вот так отруби!

– Матушка игуменья, да как же это... – сестра сделала два шага назад, – не могу я. Нельзя! Грех какой. Посох же!

– Не твой грех! – игуменья Олимпиада посмотрела на застывших от удивления милиционеров. – Руби!

Сестра подчинилась, несколько раз решительно ударила топором по деревянному черному тонкому посоху с полукруглой изогнутой ручкой, нижняя часть его отлетела к печи.

Игуменья оперлась на укороченный посох, как на трость, с усилием поднялась на ноги:

– Что скажете, служивые, теперь это посчитаете палкой? Могу на нее опереться?

– Вперед, – скомандовал старший, ничего не ответив монахине.

– Разрешите мне хоть вещи до телеги донести, тяжелые ведь, – взяла мешок Екатерина.

На улице у дома матушка увидела две телеги. На первой, обнимая мешок с вещами, расположился бледный и растерянный протоиерей Владимир Иванович Багрецов, священник закрытого Акатовского монастыря. Милиционер-возница нервно сжимал в руках вожжи, часто их натягивая, хотя дремавшая лошадь и не думала двигаться с места. На второй телеге, понурив головы, сидели трое крестьян. Игуменья сразу узнала одного из них – Алексея Ивановича Герасимова, церковного старосту и председателя церковного совета храма в селе Теликтино. Двое других, как оказалось позже, были активными прихожанами той же церкви.

Пока матушка, опираясь на посох, с трудом переставляя ноги, медленно шла от домика к дороге, откуда ни возьмись из изб дальше по улице и через огороды с других улиц вдруг побежали крестьяне, на ходу накидывая теплую одежду. Женщины кутались в платки. Люди быстро окружили телеги с арестованными. Мужики стояли потерянные, бабы всхлипывали: «Батюшка, да как же это?... Матушка, за что... За что вас? Горе! Горе какое...»

Осеннее сырое утро стелилось туманом, растворявшим даже тучи. Вместе с листьями свою свежесть и красоту потерял ряд голых берез вдоль грязной дороги с мелкими лужами. Избы из потрескавшихся старых бревен, уже не украшенные летними цветниками и пышными кустами, смотрелись серыми сиротами.

Игуменья Олимпиада мысленно прощалась с селом, приютившим ее, с людьми, которые помогали, заботились о ней. Многих она знала еще в монастыре, куда крестьяне приходили на молитву в праздники, или потрудиться в монастырском хозяйстве.

– Матушка, благословите! – раздалось сразу несколько голосов.

Она размашисто перекрестила избушку, которая на время стала ее домом, сестру Екатерину, склонившуюся в низком поклоне, людей, вплотную приблизившихся к телегам с арестованными. Отец Владимир поднялся и помог ей сесть в телегу на сено.

– Батюшка, благословите! – закричали люди в отчаянии, сопереживая старому священнику. – За что же вас, отец родной?! Благословите нас, батюшка!

Старый священник с трудом сдерживал слезы и ничего от волнения не мог сказать, губы у него тряслись. Он осенил крестным знамением сначала всех окруживших телеги крестьян, а потом каждого в отдельности. Мужики опустили головы, словно из-за какой-то непознанной, непонятной им вины, и отступили подальше. Бабы наоборот – хватались за телеги, уже не таясь, рыдали. Жаль им было доброго старика священника, отправлявшегося на муки, и матушку, которую многие знали с детства, и трех братьев православных.

Старшему милиционеру надоело это затянувшееся прощание, прикрикнул на крестьян:

– Хватит! Расходитесь! Отойти от телег! – он сделал знак подчиненным, и те, растолкав людей, освободили дорогу.

Телеги двинулись не сразу, раскисшая глина будто удерживала их, чтобы не отдавать земляков неведомым вражеским силам. Возницы злились на лошадей, кричали, им хотелось побыстрее покинуть горестную деревню. Наконец – одно движение вперед, другое – вперед-назад, и колеса медленно, но покатились, колея за ними сразу исчезала в жидкой грязи немощенной дороги.

Матушку покидали силы. Она прилегла на свой мешок с вещами, и с жалостью слушала отца Владимира, который, как только двинулась телега, пришел в страшное волнение и никак не мог успокоиться.

– Что ж это такое... за что, Господи? всю жизнь Тебе служил, как мог, старался. Старый я же, старый, – бормотал священник, словно заговариваясь. – Какая «контрреволюция»? Какая «пропаганда»? Никому плохого ничего не сделал, никому зла не пожелал. Мне же шестьдесят пять лет, здоровья нет совсем. Не по силам мне тюрьма. Матушка у меня тоже немолодая и болящая, а дочка младшая совсем дитя еще... Они же с голоду умрут, – склонился он к игуменье и продолжил шепотом, чтобы их не услышал возница. – Эти все имущество описали. Как же мои будут жить?..

– Люди помогут, – попыталась успокоить старика игуменья, – не дадут пропасть.

– Эти сказали, что мы с вами виноваты, подговорили, чтобы в Теликтино сарай с сеном у председателя сельсовета мужики сожгли, во как... так и сказали: дескать, вы с игуменьей вдохновители! Прихожан, – он кивнул на вторую телегу, – якобы за поджог арестовали. А староста Алексей Иванович – человек положительный, хозяин крепкий. А им кажется, что это он сам тот сарай и зажег. Господи! Он не делал этого... Побожился, что не жег, а они не верят, мстят ему, что церкви помогал и монахиням бездомным.

– Не разговаривать! – приказал милиционер строго.

Священник немного помолчал, но не смог себя сдержать и снова зашептал, покачиваясь из стороны в сторону:

– Говорят, виноват, что просил крестный ход на Пасху разрешить. Так люди ж умоляли... Как же в Светлое Христово Воскресенье без радости? Мне нельзя в тюрьму, не выдержу, не вернусь, силенок уже нет... – священник закрыл рукой глаза, опустил голову, седые слипшиеся волосы упали на лицо, – устал, как же я устал... Господи, помилуй! – пальцами вытер побывавшие слезы, словно предчувствуя, словно предвидя свою судьбу... что не дано ему будет вернуться из сибирских лагерей.

Глядя в небо, священник три раза размашисто перекрестился, продолжая вздыхать и откашливаться.

Игуменья Олимпиада начала читать молитвы, склонившись к отцу Владимиру, который никак не мог успокоиться: причитая, жалел себя, свою семью, осиротевших прихожан; не мог подавить в себе острый страх перед будущим. Милиционеры покосились на монахиню, повторявшую молитвы, но ничего не сказали. Постепенно отец Владимир взял себя в руки и стал вторить матушке. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, прости нас, грешных, и помилуй», – отсчитывал спокойный, умиротворенный голос игуменьи метр за метром дорогу вдоль лесов и полей.

Телеги двигались медленно, то и дело застревая в глубокой раскисшей глине. Матушка Олимпиада минутами забывалась в недолгом сне, но когда нужно было выталкивать увязшую повозку, их с отцом Владимиром поднимали, а трое арестованных крестьян вместе с милиционерами вытаскивали телеги из грязи.

Игуменья, глядя на верхушки высоких елей и сосен, которые медленно проплывали, покачиваясь у нее в глазах от дрожания телеги, размышляла, что, наверное, и у нее не хватит сил выдержать жизнь в северных краях: сердце болезненное, воспаление почек, ревматизм, на ногах язвы... Снова начало ныть в груди, и от пронизывающего холода сводило острой болью суставы. С прошлого дня матушка ничего не ела и не пила, но привычка к строгим постам позволяла терпеть и это, а молитва согрела душу. Батюшка, успокоившись, зарылся в сено и спал, и она молилась о нем, чтоб дал ему Господь терпения, помиловал, бедного...

* * *

Уже ближе к вечеру арестованных привезли в районный городок. В большом здании с красным флагом на крыше их развели по разным комнатам.

Матушка сидела в небольшом кабинете на табурете перед пустым столом, позади, у двери, стоял милиционер. В первый момент она машинально поискала взглядом иконы по углам и стенам, но, осознав, что таковых здесь быть не может, просто перекрестилась. От слабости у нее начала кружиться голова.

Ожидание затягивалось.

Наконец в комнату вбежал небольшого роста комиссар в кожанке, державший в руках какие-то бумаги, в том числе и письма, изъятые у матушки при аресте. Листы он быстро разложил на столе, какое-то время рассматривал игуменью – ее худенькую фигуру в потрепанном подряснике, тонкие длинные пальцы, перебиравшие деревянные четки, красивое, с утонченными, правильными чертами лицо. Наверное, что-то в облике монахини его разозлило – говорить он начал, презрительно ухмыльнувшись тонкими губами, выпучив и без того круглые глаза:

– Вера Марковна Иванова! Вы как игуменья Олимпиада закрытого Акатовского монастыря арестованы за контрреволюционную пропаганду! Вместе с попом Багрецовым вы на почве классовой борьбы подбили крестьян-кулаков поджечь сарай с сеном у председателя сельсовета Петрова. Убытка от пожара на тысячу рублей! А ценностей своих при обыске не выдали?! Так?

– Нет у меня ценностей, и никогда не было, я монахиня, – опустила глаза матушка.

– А я – народный следователь! – взвился комиссар. – Партия меня поставила, чтоб давить вас, гадов! Ты сколько лет в монастыре жила, на народной шее пристроилась?! – подбежал он вплотную к игуменье, резко перейдя на «ты». – Игуменей была?! Дурила людям головы?! Рассказывай! Говори!

– В 1892 году я поступила в число сестер Акатовского монастыря. С тысяча девятьсот восемнадцатого года возведена в сан игуменьи. Все ценности в обители изъяли еще в двадцать

втором году, – она говорила спокойно, слова лились, а параллельно не прекращалась внутренняя молитва. Крики следователя будто отлетали от наполненной покоем души, но тела своего матушка уже не чувствовала, в глазах темнело, орущего человека она уже не видела.

– Кровопийцы! Обманщики! Дурите головы темному элементу! Народ требует, чтоб немедленно выселили вас, бывших монашек Акатовского монастыря, даже из окрестных деревень! Расселились вокруг Акатова, как черная стая, крестьян баламутите! В церкви всех зовете, о Боге сказочки придумываете, попов-мироедов поддерживаете! Вот, – потряс он бумагой, – список монашек, почти сорок человек, что в округе живут! Да если бы не вы, мы с религиозным дурманом давно бы покончили! Народ бы и забыл о вашем Боге... Уничтожим вас всех! Следа не оставим!

Матушка уже плохо слышала, что кричал разъяренный следователь, его голос уплывал куда-то. Теряя сознание, она медленно сползла с табурета на пол, но в последний момент из всех оставшихся сил сжала в кулаке четки: «Господи, помилуй»...

* * *

Очнулась игуменья Олимпиада через несколько дней в больничной палате.

Сначала почувствовала смесь запахов лекарств, потом поняла, что кто-то поправляет укрывавшее ее одеяло и приговаривает тихо:

– Матушка, голубушка, приходите в себя...

Она приоткрыла глаза и увидела старушку в белом платочке, которая, улыбаясь, зашептала ей на ухо:

– Слава Богу, а то боялась я, что не осилите болезнь, полуживую ведь привезли с допроса! Двое суток не знал наш доктор – даст ли вам Господь продления жизни...

– Пить, – попросила игуменья.

Старушка осторожно, из ложечки, напоила ее, продолжая говорить:

– Санитарка я, Надя. Пойду сейчас к другим больным, но скоро вернусь. Кашки принесу, покушать вам надо.

Санитарка ушла.

Матушка закрыла глаза. Голова кружилась, на солнечный свет было больно смотреть, хотя и под опущенными веками настоящая темнота не появлялась – быстро кружились какие-то светящиеся цветные полосы и точки.

В палате остальные больные еще спали, и в тишине постепенно из памяти монахини четкими, выпуклыми словами одна за другой начали всплывать молитвы. Ничто, никакие посторонние размышления не отвлекали больше ее внимания от молитвы. Осталась немощь болезни и над ней будто сразу – Небо. Больше не мучили тревоги, строгость боли подарила покой. Тяжесть ответственности за множество других людей, необходимость выдержать, вытерпеть давление и нападки на обитель, ожидание решения собственной судьбы остались позади. Теперь Господь определил ее будущее. Больше ничего не осталось такого, из чего могли бы родиться сомнения или соблазны. Чистая боль, болезнь и страдание открыли совершенную необходимость в постоянной молитве. Возможно, монастырь сжался до одной души монахини, уместился в ней, исстрадавшейся, окровавленной.

Только Господь – Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой – остался последней надеждой. Все остальное – материальное, стало прахом. Крест был так близок, почти осязаем, бесконечно повторяемые много лет слова о следовании за Христом воплощались, как в Евангелии. Каждое слово молитвы звучало в голове, как в первый раз, рождаясь из потребности соединиться с Господом.

И только сердце игуменьи-матери взяло верх над страданием, будто ее рассеянные по языческой стране дети-насельницы погибшего монастыря издалека слезно призывали ее спасти их, защитить.

Матушка взмолилась, вплетая их имена в свои прошения к Богу. Чтобы хватило у сестер сил на испытания – на притеснения, поругания, оскорбления. Чтобы не усомнились, не дрогнули, не смалодушничали! Чтобы хватило у них мужества подняться на крестные муки... Матушка не остановила молитвы, даже когда в палате проснулись больные. В комнату входили медсестры и врачи, появилась на тумбочке каша. А ей нужно было вспомнить всех, каждую сестру, потому что не было больше монастыря, в тюрьме оказался отец Владимир, и ее материнская молитва могла оказаться последней духовной опорой для детей Акатовской обители.

Время шло. Старались врачи, бились за здоровье доброй матушки сестры и нянечки, ласковые с ней. Особенно помогала милая санитарка Надя, которая и в церкви молилась о болящей игуменье, просфоры ей тайно приносила, и подкармливала, чем могла. Но ничего не помогало: сердце игуменьи Олимпиады работало с перебоями, организм отказывался принимать лекарства, почки не справлялись с нагрузкой. Наконец, консилиум врачей принял решение перевезти тяжелую больную на лечение в Москву.

Мытарства с лечением продолжились и в столичной клинике, но врачи здесь оказались искуснее, лекарства лучше, питание сытнее. Постепенно матушка стала вставать с постели. С радостью чувствовала прилив сил. Думала, что все волнения остались позади, потому как девять месяцев в больницах власти ее не беспокоили. Она надеялась, что следователь понял, что нет их с отцом Владимиром вины в этом непонятном поджоге сарая, а, значит, ее скоро выпустят на свободу.

Но никто и не думал о ней забывать. Июньской ночью в больницу нагрянули два милиционера, которые перевезли игуменью Олимпиаду в Бутырскую тюрьму.

* * *

Соседки по тюремной палате в Бутырке утешали матушку, говорили со знанием дела, что раз не было допросов, кроме одного, и никаких бумаг она не подписывала, то обвинительное заключение ей не вынесли. Поэтому, скорее всего, дело закрыто, ее точно выпустят! Когда пришел за игуменью через несколько дней охранник и велел взять с собой вещи, соседки провожали ее с улыбками, не сомневаясь, что старую больную игуменью отпускают. Матушка перекрестила женщин: ох, как нелегко им бедным жилось в тюрьме! Перекрестилась сама – и пошла, куда указал конвоир.

А привел он ее во двор, где стояли и сидели множество людей с вещами.

Во дворе было шумно, перекрикивая людской гул, несколько человек из охраны выкрикивали имена и фамилии заключенных. Названные подходили. Постепенно единая толпа разделилась на части. Наконец, игуменья услышала свое имя и присоединилась к группе женщин и мужчин, которую конвоиры быстро погнали в соседний двор. Там их ждал автозак.

Охранники затолкали в машину заключенных так тесно, что люди оказались сдавленными в полутьме. Задыхаясь в духоте, они пытались хоть как-то устоять. Фургон дернулся и быстро выехал из Бутырки.

– Куда же нас везут, – плакала молоденькая нежная девушка в красивом шелковом платье, которое явно давно не стирали.

Крепкая пожилая крестьянка в платке вздохнула:

– Не робей. Высылают нас на Севера.

– Надолго? – по-детски плаксиво прошептала девчонка.

– Куда привезут, там скажут. Я уж не в первый раз...

Крестьянка внимательно посмотрела на монахиню, и сказала уже тихо – только ей:

– Марией меня зовут. За веру три года отбыла ссылку в Казахстане. Вот, снова арестовали.

Матушке трудно было дышать, воздуха не хватало. По спине потекли ручейки пота, голова кружилась. Наверное, она бы упала, но ее почти на весу держали стоявшие рядом люди. Масса плотно сдавленных тел все сильнее нагревала и без того горячую утробу машины.

Наконец машина остановилась. Двери распахнули, внутрь ворвался чистый воздух, сразу стало легче дышать. Охранники закричали, подгоняя измученных жарой людей, погнали их к платформе.

– Ярославский вокзал, – спрыгивая на асфальт, уточнила опытная Мария. – Теперь дорога нам в Архангельск, так и охранник знакомый сказал.

Она подхватила под руку матушку, у которой подкашивались ноги, и потащила ее за собой, оглядываясь на конвой:

– Пойдемте, нельзя останавливаться!

В поезд игуменьи помогли забраться несколько заключенных, сама бы она так высоко не вскарабкалась. Людей в вагон набилось так много, что даже сесть им толком было некуда. За трое суток дороги в Архангельск в переполненной душной коробке вагона, среди вони, без еды и воды, матушка совсем перестала чувствовать свое тело, ослабевшее до того, что малейшее движение вызывало дрожь. Временами теряя сознание, она старалась повторять те молитвы, которые могла вспомнить. Ей всегда казалось, что тексты молитв отпечатались в ее памяти навсегда, до последнего слова, но сейчас из подсознания выплывали только отдельные плохо связанные слова: «Помилуй, Господи!» – раскачивалось в мозгу в такт стуку колес.

Два конвоира долго смотрели на ее дрожащую руку, которой матушка пыталась перекусить, стоя на коленях, опираясь второй рукой о пол, и, наконец, сжалились. Может, побоялись, что она может умереть.

– Мать, ладно уж, лежи, что ли...

Игуменья Олимпиада потом часто думала, что это послабление спасло ей жизнь.

Она упала на грязный, вонючий пол и сразу отключилась. Это был не сон, а полное выключение всего организма, почти телесная смерть.

Чудо, но через некоторое время матушка очнулась, чем очень удивила конвойных, уверенных, что старая монахиня умерла.

* * *

В Архангельске окриками, ударами прикладов заключенных выгнали из вагонов. Люди сыпались на платформу, от усталости падали, вставали и боялись оглядываться, потому что в каждом вагоне на полу оставались лежать несколько умерших, не выдержавших тяжелой дороги.

В этом городе, привыкшем к толпам этапированных, где каждый день под конвоем пересылали дальше, в лагерь или в ссылку, тысячи людей, уже никто стыдливо не скрывал заключенных в крытых грузовиках, не спешил спрятать за воротами тюрьмы. Переключку охранники провели прямо на площади у вокзала. Матушка заметила, что проходившие мимо горожане совсем не обращали внимания на унылый строй измученных людей, которых пересчитывали такие же усталые конвоиры.

Долгая дорога по пыльным улицам к зданию тюрьмы далась ей трудно. Отекшие ноги не слушались, мешок казался невероятно тяжелым, она уронила его несколько раз. Мария, с которой они познакомились в «воронке» и поддерживали друг друга в дороге, взяла ее поклажу в довесок к своей. Но легче матушке от этого уже не стало: ноги сводило судорогой, казалось, еще немного – и никакая сила не заставит ее идти. «Господи, Иисусе Христе, помилуй!» – то ли звучало где-то внутри нее, то ли было разлито вокруг в печали страшного, наполненного

болью движения, или это уже ангелы пели громче криков охраны. Конвоиры орали, требуя, чтобы ссыльные ускорили шаг, подгоняли падающих от усталости людей матом и тумаками. Но это не ускоряло движение колонны.

Во дворе тюрьмы заключенным наконец разрешили сесть, люди легли вповалку, вконец измученные. Но их злключения скоро продолжились: свободных камер не оказалось. Переполненная во много раз тюрьма Архангельска не могла принять новых узников, им пришлось ночевать под открытым небом. Однако люди были рады хотя бы тому, что их накормили.

Утром заключенных погнали дальше – к реке, там погрузили на баржу, в трюм. Снова пришлось стоять, плотно прижавшись друг к другу в темноте и духоте. С ужасом каждый думал, что больше долгую дорогу не выдержит.

Но, к счастью, через несколько часов узников высадили на пустынном берегу: место для них нашлось только в здешнем лагере.

Матушка рассматривала красивые домики, похожие на дачные, стоявшие вдоль дороги, по которой вели арестантов. Утопавшие в цветах дачи казались сказочно мирными и веселыми, будто существовало две жизни в одном и том же месте: тихая, полная счастья и покоя беспечных дачников – и страшная, уже не совсем человеческая, заключенных.

Июльское солнце парило в полную силу. Распухшие ступни в ботинках игуменьи пылали, кровоточащие раны на ногах прилипли к ткани чулок, ходьба доставляла постоянную боль: корки на язвах отрывались, что вызывало новые кровотечения.

Наконец колонна заключенных подошла к длинному неопрятному дощатому забору. Ворота открылись, их ввели на территорию концлагеря – лесобиржи.

После переключки узников распределили по баракам. Женщин на этапе было немного, они все поместились на свободных местах в небольшом женском бараке. Впервые за долгую дорогу из Москвы матушка смогла хоть как-то перевязать раны на ногах. Несмотря на то, что в грязном бараке нестерпимо воняло нечистотами, было почти темно и душно, матушка, как и измученные дорогой ее спутницы, сразу уснула на нарах, которые им выделила охрана.

Но долго отдыхать не пришлось. Вечером вернулись с работ заключенные, большинство из которых были шпаны. Уголовники крыли друг друга и остальных заключенных матом, выясняли отношения, дрались.

Криков и скандалов, которыми наполнился барак с возвращением постоянных обитательниц лагеря, матушка почти не замечала. Она сидела в углу на нарах и молилась. Настоящая, полноценная долгая молитва превратилась в необыкновенную радость. За много дней впервые можно было обратиться к Господу Иисусу Христу, к Пресвятой Богородице, к любимым святым в настоящем молитвенном правиле. В предсмертной муке в вагоне ей чудилось, что уготовано ей предстать пред Богом без покаяния и последнего Причастия, что по тяжелым ее грехам отнято у нее право просить у Него о помиловании. Теперь она была почти счастлива: можно было молиться долго, основательно – обращаться к Небу, которое здесь, в этом вонючем бараке, виделось близким, на расстоянии вытянутой руки, как и страдания людей вокруг нее. Молитва стала неимоверной наградой: лицо игуменьи, грязное, измученное, будто осветил Горний Свет...

Уголовники косились на тихую старую монахиню, весь вечер ни с кем не разговаривавшую, только шептавшую молитвы. Когда она осеняла себя крестным знамением, блатные хихикали, показывая на нее пальцами.

В конце концов Мария, всю дорогу из Бутырской тюрьмы помогавшая матушке, села рядом с ней. Внушительная фигура крепкой крестьянки, ее строгий взгляд охладил злобно-веселый настрой шпаны. Уголовники отвернулись и принялись играть в карты, что заняло все их внимание.

– Здравствуйте, – рядом с матушкой остановилась женщина, худая, с очень коротко, неаккуратно подстриженными волосами, в грязном шерстяном платье, которое, наверное, когда-то было дорогим и красивым. – Вы молитесь? Вы монахиня?

– Я игуменья Олимпиада.

– И Он вас слышит? – у заключенной нервно подергивались плечи и блестели глаза. – И...и...и...

Она вдруг завывала, как от сильной боли.

– Не могуууу...

– Простите меня, – немного погодя, взяв себя в руки, женщина смогла продолжить. – Моих мальчиков, сыночков забрали, когда нас увозили – меня и мужа. Не знаю, где они. Живы ли? Найду ли их когда-нибудь? Куда их увезли – как узнать?! И муж мой где?.. Никто мне не говорит. Нас с ним так страшно допрашивали... Бог ведь знает, где мои мальчики? Поможет им?

– Назовите имена ваших сыновей. Буду молиться о них, – матушка попыталась погладить по голове горящую женщину.

Но та убрала ее руку от своих волос:

– Вши. Тут у всех вши. Грязно, не вывести.

– А мужа вашего как зовут?

– Думаете, он жив? Конечно, жив! Я надеюсь. Но боюсь думать об этом... – женщина вдруг стала серьезной, выпрямилась. – Меня зовут Ольга Сергеевна. Мой муж – Иван Петрович, профессор, геолог. Матушка, плохо мне так... Иногда просто ничего не помню, не понимаю. Даже не знаю, сколько времени я здесь. Плохо мне... – она заплакала.

– Раба Божья Ольга, – вздохнула игуменья, – Господь везде, а уж здесь – совсем близко.

– Пусть со мной все что угодно будет, только сыночков – Кирюшу, ему три года, и Сашеньку, ему пять лет – пусть Бог спасет, они же такие маленькие. Он спасет их?! – словно потребовала у игуменьи страдающая мать, и, подняв глаза к дощатому, серому потолку барака, перекрестилась.

– Будем молиться, – кивнула матушка, – Господь детей любил, говорил, что им принадлежит Царствие Небесное. Нам сейчас без Господа никому нельзя жить. На Него вся надежда.

– А нас с дочерью на этапе разлучили, – заговорила до этого молчавшая пожилая тетка в бежевом, в грязных разводах платке, лежавшая на соседних нарах. – Дарья меня зовут, – представилась она. – Как уж я их просила, умоляла не разлучать нас, плевать им на наши слезы! Господи, ведь пока дочь рядом была, я могла ее защитить. Вот такая беда. Как там она одна? Доченька моя, доченька, – покивала Дарья горестно, садясь на нарах. – Разве так надо было молиться, как мы молились... Хотя, и вы, монахиня, тут с нами. Много я на этапе монахов и священников встречала. От грехов все наши беды, это точно.

– Господь – наш единственный путь и спасение, – посмотрела на Дарью игуменья. – У Него истина, если Он понес Свой Крест, так и мы, дети Его, от своих крестов не должны отказываться. А живых святых на этом свете нет, у всех свои искушения.

– Меня за веру во вторую ссылку отправили, – вмешалась в разговор Мария. – И не только меня в селе арестовали, батюшку нашего еще и двух прихожанок. Спрашивают: «В Бога веришь?» Отвечаю: «Да». Требуют: сними крест, откажись от веры, тогда отпустим тебя. А вот скажите мне, как могу я Иудой стать? Вот меня снова на пять лет и отправили в ссылку, а первый раз отбыла три года.

Она достала из-за пазухи нательный крест и поцеловала его.

Объявленный отбой вмиг прекратил все разговоры, угроза наказания безотказно действовала даже на уголовниц. В бараке сразу наступила тишина, все улеглись по своим местам.

Утром игуменья Олимпиада проснулась с трудом. Вновь нахлынула телесная слабость, ног она совсем не чувствовала. Тряслись руки. Но от работ освободили только двух больных

женщин – с горячкой от высокой температуры. Врач, взглянув на матушку мельком через плечо, процедил сквозь зубы, что возраст – не причина для освобождения от труда, в лагере работают все. Вместе с юной Вероникой игуменью отправили на кухню, в помощь поварам. Когда они перемыли чаны, им поручили почистить капусту, местами засохшую, в черных точках или с гнилыми листьями. Они старательно очищали каждый лист, пытаясь сохранить даже небольшие кусочки.

Матушка работала аккуратно и даже изредка останавливала юную напарницу, когда та, увлекаясь, недостаточно старательно выполняла задание.

– Нужно внимательней убирать грязь, – она доставала из кастрюли уже почищенные девушкой листья. – Смотри, гниль осталась, нехорошо, это же мы для людей делаем. На ужин все будут это есть.

Вероника вздохнула:

– Чего стараться? Заключенные мы здесь...

– Ну и что? – взяла новый кочан капусты матушка. – Только недостойные люди не работают или работают плохо, человек нравственный всегда должен добросовестно трудиться. Стараться для других самое лучшее делать. Святые люди все труженики были. Так высоко они ценили трудолюбие, что считали его тропинкой к Небу. Бывало так, что и в тюрьме кто-то из них оказывался, но работал старательно, потому что любой труд принимал не как наказание, а как правило жизни. Самые святые люди хотели приносить пользу на земле. Только шпана работу презирает, а чем лучше человек, тем он трудолюбивее.

– Хорошо, я постараюсь... – вздохнула Вероника и стала внимательней осматривать капустные листья. – Вообще, я в Бога не верю, я комсомолкой... была. Ну раньше. До ареста папы. Мы вдвоем с ним жили. Я в институте училась. Он тоже все время говорил мне, что не работают только буржуи, а настоящий человек должен трудиться! Он много работал...

Матушка посмотрела на бледное, нежное личико девушки, совсем детское, на игриво выющиеся кудри, на пиджачок поверх шелкового платья. Столичный лоск московской студентки смотрелся здесь странно, вызывая, не имел совершенно ничего общего с этим страшным местом, в котором они оказались. «Впрочем, – подумала матушка, – монашеское облачение игуменьи, наверное, также должно всем бросаться в глаза».

– Мне так страшно, – призналась девушка, – все время о папе думаю. Увидимся ли мы когда-нибудь? – она заплакала. – Он же ни в чем не виноват.

– Господь с тобою, не плачь, деточка, – игуменья Олимпиада перекрестила ее. – Страдание в очищение от грехов бывает. Ты крещеная?

– Не знаю... – Вероника опустила голову, старательно очищая очередной листок капусты. – Вы же всего не знаете... Когда меня к нему следователь привел, папа пообещал что-то подписать. И такой был худой, измученный, похож на этих людей... здесь, в лагере. Ничего, совсем ничего не понимаю, – она снова тихонько заплакала.

– Сколько горя, Господи, прости нас грешных, и помилуй...

Дальше работали молча.

Матушка, перебирая капустные листья, как четки, молилась про себя обо всех встреченных ею страдальцах, их семьях, потом обо всех заключенных в лагере. Вспомнила и тех, с кем ее везли в переполненном вагоне, с кем гнали по пыльным дорогам, с кем ночевали во дворе перенаселенной тюрьмы, с кем тряслись в душном трюме баржи.

В подсобку заглянул повар:

– Ну что, почистили?

Увидев, что работа выполнена, распорядился порезать капусту на щи.

* * *

Время шло – дни, недели. Утро, вечер. Сутки то растягивались, то сжимались, уследить за ними было сложно.

Прошел месяц.

Не только старая матушка, но и все прибывшие с ней люди таяли на глазах, худели, слабели. Вши буквально заедали людей, сыпались с одежды, с волос. Нечистая ли вода была виной, или антисанитария и жара, только в лагере началась эпидемия дизентерии.

У тех, кто прибыл по этапу вместе с игуменьей Олимпиадой, оставалась только одна надежда: для ссыльных лагерь должен был стать временным пристанищем. Их рано или поздно отправят к месту ссылки. Об этом и молились.

Наконец ссыльным объявили, чтобы готовились в дорогу. Накануне каждому выдали по буханке хлеба. Снова их привезли в Архангельск, где от пристани погнали в тюрьму. Дорога была неблизкой, самые старые и больные люди от колонны отстали, с ними остались несколько охранников.

Игуменья Олимпиада шла одной из последних. От жары, от слабости, от боли в животе ноги у нее заплетались. Дорога, небо, пыльная трава на обочине – все кружилось. Окрики охранников уже было не разобрать – такой звон стоял в ушах. Матушка старалась, очень старалась идти, но, не удержавшись на ногах, упала в пыль.

Над ней склонился молодой конвоир:

– Вставайте! Вы должны встать! Нельзя отставать!

– Я не могу, – матушка попыталась перевернуться на бок, отодвинув от себя мешок с вещами. – У меня сил нет...

Охранник взял ее мешок и, обхватив монахиню за плечи, попытался ее поднять.

– Спаси Господь...

Отодвинув его руки, она сначала села, потом смогла встать. Но, пройдя метров двадцать, снова упала.

– Ну что же вы! – расстроился конвоир.

– Ноги у меня больные, – прошептала игуменья, – не могу идти... Бросьте меня!

– Да не имею я права!

Колонна ссыльных уже исчезла за поворотом, ушли вслед за ней и все отставшие, а матушка уже даже сесть не могла, такая слабость ее одолела.

– В чем дело? – остановил свою лошадь рядом с охранником командир, проезжавший мимо.

– Товарищ командир, вот, больная упала, от этапа отстала. Не знаю, что с ней делать, – честно признался молоденький милиционер.

– Ладно, – махнул рукой тот. – Сейчас телегу пришлю.

Слово он свое сдержал: обессиленную матушку на телеге отвезли в тюремный двор.

* * *

За тюремной оградой узникам пришлось провести под открытым небом пять дней и ночей. Расположились люди прямо на земле. Днем жарило солнце, они изнывали от жары под его прямыми лучами. Ночью подступал холод, пробиравший до костей. На рассвете выпадала роса, одежда становилась мокрой, хоть выжимай. Заключенных, для которых не оказалось свободных мест в тюрьме, на довольствие не поставили, поэтому не кормили. Очень тут пригодились буханки хлеба, что выдали каждому из них в лагере.

В день Успения святой праведной Анны – матери Пречистой Богородицы – игуменья Олимпиада с раннего утра была в радостном настроении: этот праздник расцветал у нее в душе, несмотря ни на что. Счастью близости к матери Пречистой Девы, которая дала жизнь Самой Богородице, не могли помешать ни обострившиеся болезни, ни вид печальной картины вокруг – вповалку лежавшие измученные люди, многие из которых давно потеряли надежду на спасение.

С первыми лучами солнца матушка начала шепотом молиться, славя праведную Анну и Пресвятую Богородицу.

Проснулась Мария, лежавшая рядом с матушкой, с ласковой улыбкой всмотрелась в ее лицо:

– С праздником вас, дорогая матушка игуменья! Счастье-то какое: дожили мы до Успения праведной Анны, кто мог бы подумать, что выберемся из того страшного лагеря! Но Господь не дал погибнуть.

– Господь не оставляет своих. Испытывает нас, но знает, что мы в пути к Нему. Мария, видела бы ты, какие праздники устраивали мы в нашем монастыре! Цветы везде благоухали. Людей полные храмы, подсвечники в горящих свечах. Паломники радуются, одеты празднично. Служба долгая, красивая... Колокола заливаются, поют на всю округу! Во дворе дети бегают, смеются. Столы накрыты для общей трапезы, вкусными блюдами уставлены. Люди с удовольствием угощаются. Каждый старается поклониться любимой нашей иконе «Скоропослушница» в Никольском храме, приложиться к ней, шепчут ей что-то, тайны свои высказывают, каются, милости просят...

– Жаль вашего монастыря, – вздохнула Мария.

– Красиво у нас в обители было: цветники, дорожки, храмы... хозяйство держали хорошее. Только вот главный собор не успели достроить. Как там теперь... не знаю. А помню, кажется, каждый уголок, каждую мелочь! Это мой дом, надеялась, что до смерти в нем останусь.

– Мне и то слышать больно, что нет больше вашего монастыря. Эти ничего нашего духовного на Руси не оставят. Все уничтожат!

– Нет, милая. Не в их это власти. На все воля Божья. И монастырь снова откроется, не сомневайся. Так обязательно будет! Господь волен возродить и воскресить, Ему под силу и большее. Наше дело – молиться и смиряться, – она оглянулась вокруг, подняла глаза к небу. – И Богородица нам поможет... Радуйся, Пресвятая Богородица! Радуйся, Звезда, являющая Солнце. Радуйся, Невесто Невестная!

Ближе к вечеру конвоиры сообщили, что завтра все должны быть готовы снова тронуться в путь, их повезут пароходом на Печору. Люди подавленно притихли: путь предстоял трудный, дальний, в дикие холодные места.

Матушка вздохнула:

– Даст Господь, выдержим... Он – наша единственная надежда.

Глава 3 УСТЬ-ЦИЛЬМА

У морской пристани этап ждал пароход «Архангельск». В колонну заключенных из тюрьмы Архангельска влилась еще одна партия – узников из Пинеги. В трюме для людей едва хватило места среди груза – завалов из мешков и бочек. Больным и старым разрешили расположиться ближе к выходу, куда попадал хоть какой-то свежий воздух. Плавание предстояло нешуточное – две недели.

Пароход медленно, вальяжно пошел по реке Двине.

Наконец-то арестантов покормили: дали хлеба, селедки и кипятка. Пароход совсем не качало. Помолившись, под мерный шум двигателя матушка почти сразу уснула.

Утром ее разбудили громкие крики: оказалось, ночью уголовники обокрали ссыльных, у кого были припрятаны в вещах деньги, продукты, сухари – все ценное пропало. Несчастные плакали, проклинали воров, просили охрану навести порядок. Конвойные обыскали весь трюм, но ничего не нашли. Ругань, обыски, слезы продолжались целый день. У матушки давно уже не было ничего, на что могли позариться злодеи, за девять месяцев жизни в больнице и месяц в лагере давно закончились припасенные сухарики и малая толика денег, что имелась у нее вначале. Воров не заинтересовали старые вещи, которые лежали у монахини в мешке, они им были не нужны.

Пароход вышел в море.

Первое время волны только слегка покачивали судно. Заключенные отсыпались, но им мешала шумная шпана, проводившая время в постоянном гоготе и громких разговорах на сплошном мате. Этап же ссыльных наоборот состоял почти сплошь из серьезных и верующих людей. И все равно блатная развеселая молодежь вызывала жалость, такая она была неприкаянная, ободранная, полуголая, беспризорная. Когда через несколько дней стало понятно, что полураздетые сопляки мерзнут, еще и не попав на настоящий север, а там просто погибнут, люди достали из своих мешков то, чем могли поделиться, и одели по сути несчастных уголовников в теплые вещи, матушка тоже отдала свою теплую юбку.

Совершенно неожиданно для пассажиров, многие из которых никогда даже не видели моря, начался сильный шторм. Судно яростно носило по волнам, как щепку, чудилось, еще немного – и его перевернет! Матросы поспешно убрали с палубы снасти и груз, в спешке побросали все в трюм и задраили его.

Люди в темном нутре парохода жались друг к другу. Ветер страшно выл где-то наверху, прорываясь сквозь мешавшую ему оснастку. В трюме этот рев пугал несчастных узников так, что притихла даже дерзкая шпана. В дикой качке, когда нельзя уже было определить – где верх, а где низ, швыряла в темноте человеческие тела безжалостная стихия. Беспощадная морская болезнь никого не пощадила. Многочасовая тошнота изводила людей. Выворачивало каждого, даже самые крепкие не могли сдержать рвоту. Стоны, жалобы, плач теперь перекрывали молитвы, которые больше не боясь никаких доносов и запретов, произносили вслух. Господь для каждого оставался последней надеждой.

– Господи! Помоги! Помилуй! Спаси! – кричали погибающие.

Судно переворачивалось набок, люди падали друг на друга, и снова, и снова просили Господа:

– Господи! Помоги! Погибаем! Спаси!

Вспомнили молитвы и те, кто их давно забыл, в общем порыве молились и уголовники – как могли, своими словами.

Матушку одолела такая слабость, что она не могла даже руки поднять. Только иногда приоткрывала глаза и видела в полутьме, как все кружится вокруг нее. Противно, изматывающе, беспрерывно тошнило. Громкий свист бури, грохот тяжелых волн – все в любой момент могло закончиться катастрофой. Старое судно готово было затонуть, похоже, оно уже сопротивлялось с трудом, любой удар шквала мог стать для него последним.

Игуменья теперь могла понять, признаться себе: настоящая ли, подлинная ли у нее есть готовность принять полностью волю Божью. Если ей суждено именно в этот момент предстать перед Спасителем, радуется ли ее душа? Есть ли страх, осталось ли неверие в Его любовь, стала ли ее вера частью Его Царствия? Волю человеческую – ту, что сдается последней, хватается за любую соломинку – готова ли душа монахини окончательно отринуть, поменять на единство с Господом?

Вокруг рыдали и стонали люди.

Чудом матушка среди хора голосов расслышала четкую молитву Марии, и ей до глубины души стало жалко этих несчастных, исстрадавшихся людей! Их родных, которые в разлуке поливают слезами горькие судьбы близких, зная, что они могут никогда не вернуться к своим детям, к своим родителям, мужьям, женам...

Игуменья Олимпиада взмолилась так жарко, как только могла. Молилась вслух, чтобы люди, которые слышали ее тихий, но твердый голос, понимали – Господь здесь! Небо – рядом! Только Он один волен спасать и сохранять, только в Его руках жизнь человеческая! Матушка осознавала, что эти люди, стоявшие на краю гибели, если выживут – будут помнить свои молитвы, ее молитвы, молитвы других верующих, и станут ближе к Богу.

И от этой памяти могут дрогнуть даже самые черствые сердца.

* * *

Сутки ужасный шторм носил по морю беззащитный корабль, каждую минуту люди ждали гибели. Но когда наконец наступила тишина, судно не продолжило свой путь, а стало дрейфовать, отдавшись на волю уже тихих волн. Заключение в трюме были так измучены, что у них не хватило сил даже на радость о спасении. И только игуменья Олимпиада читала молитвы в благодарность Господу, Который вновь подарил этим людям и ей самой жизнь.

Несколько дней пароход «Архангельск» никуда не двигался, будто отдыхал, собирая силы после мощного шторма. Затем в трюм спустились несколько конвоиров и приказали выжившим собирать вещи и подниматься на палубу: заключенных пересаживали на пришедшую за ними баржу.

Игуменья Олимпиада даже тихонько ойкнула, когда, поднявшись на палубу, увидела прекрасный морской пейзаж. Синие тихие волны катились до самого горизонта, который на открытом водном пространстве стал окружностью, на просторе серебрилось множество солнечных зайчиков, пускаемых радостно сверкающим солнцем, небо сияло яркой синевой. Прозрачный воздух благоухал свежестью хрустально чистой морской воды, нотки запаха водорослей чуть-чуть проникали в него, дополняя нежными оттенками, словно капля яркого тона в дорогих духах. У матушки закружилась голова. После духоты темного трюма насыщенный воздух и яркий солнечный свет сбивали с ног сильнее, чем нашатырь.

* * *

Рядом с пароходом борт к борту стояла притянутая к нему канатами огромная старая ржавая баржа. Но канаты мало помогали: мощное дыхание открытого моря волнами высоко поднимало и сразу, без перерывов, роняло вниз оба судна. Трап, концы которого были закреплены на палубах, дергался, дрожал и пытался вырваться, натягивая канаты.

Людям предстояло идти по трапу, сильно наклоненному от высокого борта парохода к палубе низкой баржи, держась за тонкие канаты, натянутые вместо поручней. С трудом удерживая поклажу, маленькими шажками, как циркачи, балансируя на подпрыгивающем трапе, арестанты двинулись в опасный путь. Малейшая неловкость, оплошность – и человек мог упасть, погибнуть, растертый бортами судов. Кто-то побежал вниз по трапу, громко крича и закрыв глаза, другие сползали мелкими шажками – медленно, с искаженными от страха лицами, долго преодолевали трудную переправу, чем бесили конвоиров, требовавших:

– Быстрее, быстрее! Не останавливаться!

Несколько человек уронили вниз что-то из своего багажа.

Вцепившись одной рукой в мешок с вещами, а другой – в тонкую пульсирующую веревку, матушка с ужасом ступила на доски танцующего трапа. Она так боялась, что непослушные большие ноги откажутся ей подчиняться или не выдержит громко стучавшее от страха сердце! Наконец пошла – медленно, осторожно, сосредоточившись на молитве: просила Господа и Пречистую Богородицу помочь ей в этом испытании.

С трудом, дрожа от страха, но смогла спуститься на палубу баржи.

Раздосадованный медлительностью старой игуменьи молодой конвойный с силой толкнул ее в спину:

– Пошла! Пошла! Быстрее!

Матушка от удара упала со всего размаха. И уже не смогла подняться, как ни орал на нее злой конвойный:

– Поднимайся! Вставай! Чего разлеглась?

Лежа лицом вниз, она почувствовала, как что-то острое, разрезав ее одежду на спине, больно колет. Подумала, что бы это могло быть? Повернув голову, матушка увидела штык, которым охранник ее поранил, на острие осталась свежая кровь.

Но этого показалось мучителю мало, и он, достав из кобуры наган, поднес его к лицу старой игуменьи:

– Если сразу не встанешь, убью! – заорал в истерике. – Встать! Ты этого хочешь?!

Пацан размахивал наганом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.